

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.11>

Пленков Олег Юрьевич, Самылов Олег Валерьевич

[Политические парадоксы Ноябрьской революции и контрреволюции в Германии](#)

В статье выявляются искаженные и политизированные концепции историографии Ноябрьской революции в Германии от констатации полной зависимости новой власти от военных и монополистического капитала до трактовки революции как череды ошибок и предательств демократии со стороны левых партий. Авторы проясняют и уточняют логику развития революционного движения 1918 г. в Баварии на фоне Первой мировой войны. В работе подчеркивается, что рассматриваемые события представляли собой скорее стихийную мобилизацию правых сил, чем социальную революцию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/11.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 56-61. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. Nesbitt F. E. Algeria and Tunis. L., 1906. 246 p.

14. *Traites de la France avec les pays de l'Afrique du Nord*. P., 1906. 512 p.

15. Valensi L. *Le Maghreb avant la prise d'Alger*. P.: Flammarion, 1969. 140 p.

French Conquest of Algeria in 1830 as It Is Viewed by the European Authors of the XIX Century

Zherlitsyna Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in History
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
ns_inafr@mail.ru

The article analyses the causes that motivated France to conquer the regency of Algiers in 1830 and reveals the role of the Algerian authorities who underestimated the coming danger and couldn't preserve the country's independence. The study is based on the analysis of the French and English sources of the XIX century, which contain historical details not previously introduced into scientific circulation. The analysis of the circumstances preceding the military operation of 1830 testifies that when invading to Algeria, France sought to solve its home-policy problems rather than committed purposeful colonial invasion.

Key words and phrases: regency of Algiers; France; Mediterranean trade; Barbary piracy; colonial invasion.

УДК 94(430).085

Дата поступления рукописи: 13.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.11>

В статье выявляются искаженные и политизированные концепции историографии Ноябрьской революции в Германии от констатации полной зависимости новой власти от военных и монополистического капитала до трактовки революции как череды ошибок и предательств демократии со стороны левых партий. Авторы проясняют и уточняют логику развития революционного движения 1918 г. в Баварии на фоне Первой мировой войны. В работе подчеркивается, что рассматриваемые события представляли собой скорее стихийную мобилизацию правых сил, чем социальную революцию.

Ключевые слова и фразы: Германия; Ноябрьская революция; Первая мировая война; коммунисты; социал-демократы; анархисты; правые силы.

Пленков Олег Юрьевич, д.и.н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
oleg.plenkoff@yandex.ru

Самылов Олег Валерьевич, д. филос. н., доцент
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
sam_ol@mail.ru

Политические парадоксы Ноябрьской революции и контрреволюции в Германии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Американский моралист XIX века Ральф Уолдо Эмерсон предостерегал: «Анализируя историю, не слишком углубляйтесь в нее, ибо часто причины лежат на поверхности» [Цит. по: 3, с. 34]. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии – это как раз тот случай, когда нужно последовать этому совету. Логика развития Ноябрьской революции многократно описана в отечественной историографии. Революция рассматривается здесь сквозь призму «ревизионистской» позиции руководства Социал-демократической партии Германии (СДПГ), его полной политической несамостоятельности и зависимости от военных и монополистического капитала. В современной немецкой историографии также присутствует определенная аберрация рассмотрения истории этих событий, правда уже с леволиберальным уклоном. В этом случае замалчиваются объективные исторические обстоятельства, повлиявшие на ход событий. Революция трактуется не как политический переворот, а как простая смена декораций при сохранении у власти прежних бюрократических элит. В принципе, это, конечно, так и есть, но для более глубокого проникновения в сущность происшедшего необходимо внести ряд уточнений и переносов акцентов в трактовке одного из ключевых событий истории Германии в XX веке. Именно эти парадоксы Ноябрьской революции по большому счету можно считать наиболее ясными «объективными» посылками национал-социализма. Активно и весьма артистично спекулируя именно на этих парадоксах, Гитлер смог обеспечить себе полулегальный приход к власти 30 января 1933 г. В этой связи постановка цели исследования определяется необходимостью дифференциации политизированных трактовок Ноябрьской революции 1918 г. и научного понимания событий, происходивших в Германии в данное время.

Имеется в виду почти безраздельное господство леволиберальных установок в ФРГ в настоящее время – в некоторых случаях даже вопреки очевидным историческим фактам. В этом отношении современная Германия – чемпион мира по покаянию – даже за то, что было следствием объективного развития событий и никакого отношения к «злодейскому» характеру немецкого пути развития не имело...

Исследователю, пытающемуся в данной теме обнаружить под спудом политической ангажированности и политических пристрастий историческую правду, необходимо следовать заветам Леопольда фон Ранке – описывать прошлое “*wie es eigentlich gewesen war*” (как это было на самом деле), необходимо принимать во внимание ценностные ориентации и реакции политиков и журналистов на события Ноябрьской революции. Новое обращение к истории более чем столетней давности с учетом особенностей политической психологии и политического поведения субъектов рассматриваемых событий представляется в этой связи весьма **актуальным**. Отсюда и известная нам история Ноябрьской революции 1918 г. в Германии предстает как череда парадоксов, которые становятся понятными с учетом данной ценностной компоненты. Именно в этом состоит **научная новизна** представленного исследования. Обращение к его тематике позволяет по-новому рассмотреть исторические события ноября 1918 г. в Германии. Скорее даже не саму историю этой революции, а новую историческую перспективу развития страны в начале XX века – перспективу, которая неминуемо вела к нацизму и всем тем ужасам, связанным с Гитлером и нацизмом.

Обстоятельства формирования указанных парадоксов революции можно свести к следующим пяти факторам.

Первый парадокс состоит в том, что в условиях завершения Первой мировой войны одной из главных сил революции должна была стать армия, но она до конца сохранила высокие боевые качества и лояльность по отношению к командованию и правительству. По словам Эриха Людендорфа, армия могла держать фронт до зимы [Цит. по: 10, р. 24].

Нужно учесть, что и положение противников Германии было тяжелым – в сентябре 1918 г. американцев во Франции поразила «испанка» – по 11 ноября было отмечено 316089 заболеваний этим страшным гриппом (от него в мире умерло больше людей, чем погибло в Первую мировую войну). Почти треть американских солдат, участвовавших в генеральном наступлении, были навсегда или на длительный срок выведены из строя. Если бы зимняя наступательная операция состоялась после 11 ноября 1918 г., то она могла привести к еще более высоким потерям от гриппа. Потери Британии и Франции от «испанки» были еще большими, чем у США. По всей видимости, продолжение войны вполне могло закончиться не победным маршем на Берлин, как это предполагал летом 1918 г. маршал Фош, а крахом этого наступления. И тогда итоги мирной конференции были бы совершенно иными [2, с. 227].

Упомянутая верность армии присяге и ее аполитичность нисколько не противоречат тому, что Ноябрьская революция началась с восстания моряков в Киле. Дело в том, что военные моряки почти не принимали участия в боевых действиях, разлагаясь морально от бездействия, и приказ о выходе в море для принятия боя с английским флотом был совершенно правильно ими оценен как самоубийство. На фронте же, где дух боевого товарищества был весьма высок, 20 октября руководство флота решило дать последний бой англичанам – это решение было принято втайне от правительства, которое ничего об этой безумной затее не знало [6, S. 43].

Также следует помнить, что и само известие о поражении в войне было совершенно обескураживающим для солдат, которые не понимали логики развития событий и винили мятежников [1, с. 305]. Уже после подписания перемирия полковник Людвиг Бек (погибший в Соппротивлении в 1944 г.) так излагал причины трагического для немцев конца Первой мировой войны в письме от 28 ноября 1918 г.: «То, что мы все без исключения пережили в последние недели, столь чудовищно, что будет являться нам во сне. В самый тяжелый момент войны заранее подготовленная революция – в чем я сейчас ни мгновение не сомневаюсь – нанесла нам удар в спину. Это произошло в тот самый момент, когда армия и правительство должны были напрячь все свои силы, чтобы помешать прорыву и снизить опасность положения, которое могло бы привести к неслыханной военной катастрофе. С тыла мы были полностью беззащитны, полностью! Именно этим вначале характеризовался подход революционеров. Я не знаю ни одной революции, которая была бы проведена столь подло и которая, что гораздо хуже, сильно увеличила тяжкую нужду, в которой мы находимся уже давно, что, возможно, приведет к полной гибели. Это безумие – проводить революцию в государстве, которое с напряжением всех сил и полным сохранением всего своего очень сложного организма должно было превратить поражение в терпимый мир и здоровое мирное хозяйство» [Цит. по: 4, с. 9].

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что накануне поражения по предложению Гинденбурга и Людендорфа кайзер разрешил формировать правительство, ответственное перед рейхстагом – мирная демократическая трансформация власти прошла успешно – Германия стала парламентским государством по инициативе двух прусских генералов. Когда последние для того, чтобы обосновать свое требование немедленного заключения перемирия, отправили офицера в рейхстаг, чтобы он описал истинное положение дел на фронте статс-секретарю и представителям партий, присутствовавший при этой сцене журналист так описывал сцену: «Я слышал сдавленные вскрики, даже слезы на глазах присутствующих при этом. Депутаты будто очнулись после долгого наркоза или гипноза – злость и стыд за многолетний обман охватили присутствующих, которые безусловно верили военным, а они, оказывается, их обманывали» [Цит. по: 14, S. 62]. 3 октября Гинденбург передал кайзеру письмо, в котором значилось: «ОХЛ (Oberste Heeresleitung, то есть верховное военное руководство. – О. П., О. С.) настаивает на своем предложении от 29 сентября немедленно направить предложения о перемирии нашему противнику. Вследствие развала фронта в Македонии, что повлечет за собой значительное ослабление нашего Западного фронта, и без того испытывающего значительные перегрузки и растущие потери, особенно в последних столкновениях, по всем мыслимым человеческим

измерениям нет никаких возможностей более силой навязать врагу мир. Противник раз за разом бросает в бой все новые резервы. Пока немецкий фронт героически отражает все попытки врага прорваться. Положение, однако, обостряется все более с каждым днем, и ОХЛ чувствует себя обязанным принять тяжелое решение. В данных обстоятельствах следует прекратить военные действия для того, чтобы избавить немецкий народ от напрасных жертв. Каждый пропущенный день стоит тысяч жизней храбрых солдат» [8, S. 119].

При этом военные рассчитывали, что демократическое правительство возьмет на себя ответственность за поражение в войне – этот расчет оправдался в полной мере. Армия, таким образом, была отделена от поражения, а 5 октября Германия узнала, что она превратилась в парламентскую демократию, во главе правительства которой оказался либеральный политик с немецкого юга – принц Макс Баденский или Макс фон Баден [6, S. 34].

Новорожденная немецкая парламентская демократия совершенно не соответствовала двум заглавным немецким мифам, порожденным Первой мировой войной. По словам немецкого историка Кристиана фон Крокова, это были миф Танненберга (битва на окружение в Восточной Пруссии, блестяще проведенная Гинденбургом и Людендорфом) и миф Лангенмарка. Во втором случае, собственно, речь идет не о победе, а о массовом жертвоприношении и неудаче, когда в ноябре 1914 г. в бессмысленных атаках на английские пулеметы погибло около 80 тысяч неопытных и неподготовленных немецких солдат. Только на немецком солдатском кладбище Лангенмарка находится 45 тысяч могил. Лангенмарк стал мифом не как победа, а как образец жертвенности и патриотизма [8, S. 97]. Эти жертвы Таненберга и Лангенмарка оказались совершенно напрасными, что оказало огромное воздействие на формирование немецкого общественного самосознания после войны.

Другими словами, единого революционного мифа в Германии в 1918 г. не было. Шесть лет спустя после окончания войны Гитлер писал о своих ощущениях: «Что нам было до всеобщего избирательного права? Неужели за него мы воевали четыре года? Молодые полки у Лангенмарка шли на смерть не с лозунгом “Да здравствует всеобщее тайное избирательное право”, а с воплем души: “Германия превыше всего”» [12, S. 386].

Второй парадокс заключается в том, что СДПГ, являясь главной революционной силой, собственно революционных целей не ставила. Социал-демократы большинства добились в октябре 1918 г. проведения реформы избирательного права – им этого было достаточно, и радикализацию левых они рассматривали как противоречащую их планам. Независимцы (Независимая социал-демократическая партия Германии – левоцентристская партия, образовавшаяся в 1917 г.) были практически того же мнения. В этой ситуации спартаковцы (группа Спартак была автономной левой группой внутри НСДПГ, в начале 1919 г. оформившаяся как Коммунистическая партия Германии) были просто горсткой радикалов, безуспешно пытающихся увеличить число своих приверженцев уличной агитацией [7, S. 236]. Один из ведущих социал-демократов Отто Вельс впоследствии признавал, что СДПГ не хотела революции, что революция пришла сама. Это последнее обстоятельство сильно ослабило позиции партии, к тому же в самой партии не нашлось убедительного и харизматического лидера, который смог бы консолидировать ряды самой большой в мире на то время политической партии. У председателя правления партии Фридриха Эберта была репутация бесцветного социал-демократического аппаратчика, «Сталина социал-демократии», как его характеризовал один американский историк. Другие демократические политики тоже не могли рассматриваться как безусловные лидеры: репутацию Матиаса Эрцбергера отягощали скандальные финансовые махинации, Вальтер Ратенау вызывал раздражение своими аллюрами примадонны, Йозеф Вирт дискредитировал себя контактами с Советами после 1917 г. Также и Герман Брюнинг, Отто Браун, Отто Вельс и другие демократические политики были не в состоянии взять на себя роль ответственного и решительного лидера. Густав Штреземанн, бессменный министр иностранных дел, был единственным политиком в Веймарской Германии, сохранившим безупречную репутацию до смерти в 1929 г. [14, S. 256]. Если бы он не умер как раз в разгар кризиса 1929 г., то, безусловно, составил бы конкуренцию Гитлеру по масштабам влияния и своей репутации убежденного сторонника сохранения европейской солидарности.

Монархия в лице Вильгельма II и так себя дискредитировала и в верхах, и в низах, поэтому главное требование социал-демократов в ультиматуме от 7 ноября об отречении кайзера и отмене престолонаследования (на чем настаивал президент США Вудро Вильсон 14 октября, 23 октября, 5 ноября 1918 г.) не выглядело революционным. Старая власть и так уже обанкротилась донельзя, революция родилась не из осознанных политических целей, а из страданий смертельно уставшего народа, который справедливо полагал, что имеет моральное право на победу. «Это была, – писал Вальтер Ратенау, – не революция. Это была катастрофа. Двери тюрем распахнулись, надзиратели бежали, освободившийся народ находился в беспомощном состоянии. Если бы это была революция, то ее силы продолжали бы действовать. Но народ не хотел ничего, кроме покоя... Первый год после революции принес определенную степень порядка, что следовало ожидать, так как мы – народ, склонный к порядку» [Цит. по: 9, S. 65].

Собственно, из-за ограничений подвоза продовольствия 8 ноября солдаты гарнизона вышли на улицы с требованием выдачи продовольствия, часть уличных зевак присоединилась к ним, посчитав, что солдаты солидарны с матросами в Киле. По сути, начали революцию не люди, которые страдали от военной нужды и недоедания, а матросы и солдаты, которых кормили хорошо [5, S. 270]. Назревали вооруженные столкновения, но Макс Баденский отдал приказ не применять силу против демонстрантов. В этот же день СДПГ и независимцы сошлись во мнении, что нужно искать мира с врагом [7, S. 238]. 9 ноября, когда социал-демократы все-таки объявили всеобщую забастовку, демонстрантов на улицах никто не разгонял, хотя в Берлине было много военных и сделать это было нетрудно, что еще раз показывает, насколько все отвернулись от монархии. Принц Макс Баденский без какого-либо сопротивления передал пост канцлера Фридриху Эберту, лидеру СДПГ. Поздно вечером 10 ноября командующий рейхсвером генерал Гренер позвонил Эберту и предложил

рассматривать армию как фактор обеспечения порядка и инструмент для борьбы с большевизмом. Затем большинством съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 11 ноября в цирке Буша правительство Эберта было конституировано как Совет народных уполномоченных. Таким образом, все желанные перемены были осуществлены, и революция оказалась без целей. Никаких изменений в государстве социал-демократы решили не проводить вплоть до Учредительного собрания. Чиновники всех государственных ведомств как проявившие лояльность новой власти были оставлены на своих местах. На этом революция закончилась.

Третьим примечательным парадоксом было то, что после революционного уикэнда 9-10 ноября разгорелась борьба не между правыми и левыми силами, что было бы естественно, а между левыми и крайне левыми. Правые силы пребывали в полной растерянности, к примеру, генерал Ханс фон Зект писал, что в 1918 г. было неясно, станет ли Германия французской сатрапией или советской республикой [15, S. 8]. Поэтому для правых было приятной неожиданностью умеренное правление социал-демократов. Совет народных уполномоченных сразу провел все мыслимые преобразования, которые хотел народ: были введены 8-часовой рабочий день, пособия по безработице, страхование по болезни, был выпущен указ об обязательном восстановлении на работе возвращающихся с фронта солдат, введено всеобщее избирательное право для мужчин и женщин с 20 лет, восстановлены все политические свободы, социальное законодательство довоенных лет, все политические заключенные амнистированы, была даже создана комиссия по национализации, в которую вошли известные левые теоретики Каутский и Гильфердинг. В итоге революция, не успев начаться, уже лишилась целей – бороться было не за что...

Четвертым парадоксом было то, что борьба между левыми и правыми имела весьма курьезный характер. Правительство социал-демократов и независимцев имело абсолютное и бесспорное большинство за собой и в Советах, и в народе, и даже рейхсвер в лице нового начальника Генерального штаба генерала Грене-ра поспешил засвидетельствовать свою лояльность власти. Поэтому шансы левых радикалов – Независимой социал-демократической партии Германии, берлинских революционных старост и спартаковцев – были очень невелики. Съезд Советов Германии 16-19 декабря 1918 г. проходил при полной гегемонии СДПГ; даже Роза Люксембург и Карл Либкнехт не смогли получить на этот форум мандаты. Всякому было ясно, что попытка свержения социал-демократического правительства – это чистой воды авантюра.

Планы привлечения коммунистами на свою сторону армии были перечеркнуты демобилизацией германских войск с Западного фронта. Эта демобилизация происходила упорядоченно в два этапа – корпуса возвращались к местам дислокации в Германии, где уже происходило увольнение солдат. Большевики же в декабре 1917 г. распустили армию прямо в прифронтовой полосе, что привело к анархии [7, S. 275].

Тем не менее кровавые столкновения имели место: революционную активность выказывали то спартаковцы, то берлинские революционные старосты, позже и левые независимцы. Первое крупное столкновение революции имело место из-за недоразумения. В Берлине была расквартирована Народная морская дивизия, матросы которой первоначально были во власти революционных идеалов, но затем превратились в обычное наемное войско, материальный интерес для которого был превыше всего; на матросов жаловались из-за воровства. Когда правительство приказало матросам покинуть городской замок в центре Берлина, который занимала Народная морская дивизия, то матросы потребовали за свой уход 80 млн марок [13, S. 314], а после того, как им отказали, они избili и заперли коменданта Берлина социал-демократа Отто Вельса в его собственном кабинете. Ошибка республиканского правительства состояла в том, что для наведения порядка и приведения в чувство матросов оно призвало на помощь фронтовые части, которые вовсе не были пригодны для выполнения столь деликатной задачи [11, S. 232]. 24 декабря 1918 г. в центре Берлина вчерашние фронтовики развернули настоящие боевые действия. В боевых действиях на стороне матросов приняли участие спартаковцы: в результате было убито 29 человек. Правительство вынуждено было заплатить отступные матросам, которые обещали больше не бунтовать и даже некоторое время держали слово. Разумеется, гораздо целесообразнее со стороны правительства было бы не звать на помощь фронтовиков, а привлечь к успокоению матросов силы социал-демократической рабочей милиции, это было бы менее эффективно, но зато имело бы большую эффективность.

После этого инцидента независимцы вышли из правительства, это можно объяснить стремлением хоть что-нибудь сделать в пику социал-демократам большинства.

Второе крупное кровопролитие Ноябрьской революции – январские события 1919 г. в Берлине. Произошло оно также из-за курьеза: когда независимцы вышли из правительства, перейдя в оппозицию, то их сторонники также повсеместно уходили с административных постов, но глава берлинской полиции независимец Эмиль Эйхгорн отказался это сделать. Эйхгорн, придя к полицейской власти в начале декабря, пользуясь своим положением, проводил реквизиции, вводя налог на богатых. Этот политик пользовался репутацией коррупционера, услуги своих сторонников оплачивая с помощью реквизиций. Ко всему прочему Эйхгорн получал зарплату как работник РОСТА (российского телеграфного агентства), через берлинское отделение которого распространялась большевистская пропаганда [7, S. 81].

На его сторону стали левые независимцы, берлинские революционные старосты и спартаковцы. Был образован и Ревком, который призвал к свержению правительства Эберта и объявил, что берет власть на себя, но уже 6 января выяснилось, что предпринимать что-либо никто не хочет. Лишь ближайšie сторонники Эйхгорна да спартаковцы вступили в активную революционную борьбу. К 12 января силами добровольцев – вчерашних фронтовиков, солдат и офицеров, организованных Густавом Носке, с восстанием было покончено.

Путчистская активность левых радикалов, особенно спартаковцев, поддерживаемых из Москвы, продолжалась вплоть до 1924 г. Такое положение, во-первых, создало в Германии обстановку гражданской войны; во-вторых, ослабило и без того слабую немецкую демократию; в-третьих, привело к созданию в массовом

порядке добровольческих формирований, которые позже стали очагами правой опасности; в-четвертых, поставило в двусмысленное положение социал-демократов, которые как бы одновременно оказались и революционной, и контрреволюционной силой в глазах немцев.

Пятый парадокс сводится к положению и позиции СДПГ в целом – партия получила власть после Ноябрьской революции и оказалась в крайне сложном положении: с одной стороны, социал-демократы выступали за утверждение в стране демократии и являлись единственной ее опорой в период Веймарской республики, с другой стороны, СДПГ склонна была рассматривать буржуазную демократию как нечто временное, переходное, партия по-прежнему ориентировалась на интересы рабочего класса, она была классовой партией, отказавшейся ради этих принципов от диктатуры пролетариата в большевистской трактовке. Именно поэтому в период Веймарской республики в СДПГ абсолютно безболезненно уживалось марксистское левое крыло, группировавшееся вокруг Пауля Леви, Макса Зейдевица, Курта Розенфельда. Даже с формальной точки зрения Эрфуртская программа, с которой был знаком Энгельс, была марксистской программой. Большевистское же требование диктатуры шло вразрез с демократической традицией в СДПГ. Роза Люксембург, будучи превосходным теоретиком, конечно, все это хорошо понимала, к тому же она была противником ликвидации демократии (как это сделали большевики), ее не случайно на Западе до сих пор рассматривают как одну из основоположниц современной теории демократического социализма. Но ни Люксембург, ни Либкнехт не были истинными революционными вождями, они не обладали харизмой, подобно Ленину, который в любых условиях отстаивал собственную точку зрения, ради нее готов был на раскол партии. Среди рядовых спартаковцев преобладал тип безоглядного фанатика революции во что бы то ни стало, в области теории эти люди охотно слушали, что им внушала Люксембург, а на практике они гнули свою линию. Она предпочла остаться с этими людьми до конца, за что и поплатилась жизнью. Обращение в 1921 г. председателя Коммунистической партии Германии Пауля Леви к Ленину по поводу ошибочности путчистского курса коммунистов привело лишь к исключению Леви из КПГ.

Таким образом, в левом политическом спектре Веймарской республики сложилась изначально патовая ситуация: СДПГ, с одной стороны, формально являлась классовой партией, с другой стороны, единственной опорой демократии, с третьей стороны, закосневшая в марксистском догматизме СДПГ противопоставляла себя буржуазной демократии. Социал-демократы не были искренне и до конца на стороне республики, а коммунисты искренне и до конца ставили себя вне республики. Если учесть, что на правом политическом фланге вовсе не было сторонников республики, а буржуазные демократические партии были крайне слабы, то будущее Веймарской демократии было весьма смутным.

Что касается Баварской республики, то ее опыт с авантюризмом анархистов в руководстве, взятием и расстрелом заложников, восстановлением против себя крестьян навсегда отвратил баварцев от левой политики. Не случайно Бавария в годы Веймарской республики сделалась оплотом правых сил, и именно здесь впервые дала о себе знать коричневая чума нацизма.

Итак, необходимо констатировать, что Ноябрьская революция 1918 г. является не конструктивным началом первой немецкой республики, а «несчастливым случаем» в истории немецкой государственности, который стал политическим воплощением поражения в мировой войне и никакой практической пользы в реформировании устаревших структур вильгельмовского рейха не принес. Поэтому в историографии время от времени поднимается вопрос: а была ли революция 1918 г. в Германии на самом деле? С учетом вышеизложенных оснований можно с уверенностью заявить, что если революция и была, то только как способ консолидации враждебных республике и демократии сил, которые заработали значительный политический капитал на «разоблачении» «ноябрьских преступников». Эта консолидация и обусловила в итоге приход к власти нацистов. Данный вывод логически вытекает из представленных к рассмотрению парадоксов Ноябрьской революции в Германии. Более того, исходя из особенно большой роли военных переживаний в сознании немецких фронтовиков, уверенных в собственном превосходстве над противниками в ходе войны, – для немцев самой большой сенсацией было то, что они войну в итоге проиграли – для них это был необъяснимый парадокс... В конце концов, когда во Вторую мировую войну Гитлер застрелился 30 апреля 1945 г., советские солдаты были в паре сотен метров от его бункера, а в Первую мировую войну немецкие солдаты были от Парижа почти на таком расстоянии, как Санкт-Петербург от Кронштадта. Иными словами, немецкое поражение общественное мнение объясняло каким-то парадоксальным стечением обстоятельств – о чем и речь в представленной статье.

Список источников

1. **Моррис Я.** Война! Для чего она нужна?: конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. М.: Кучково поле, 2016. 592 с.
2. **Попов Г. Г.** Крах кайзеровской Германии. От Брестского мира к Ноябрьской революции. М.: Вече, 2019. 320 с.
3. **Такман Б.** Ода политической глупости. От Трои до Вьетнама. М.: АСТ, 2014. 540 с.
4. **Ферстер В.** Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба. 1933-1944. М.: Центрполиграф, 2008. 253 с.
5. **Fergusson N.** Der falsche Krieg. Der Erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert. Aus dem Englischen von Klaus Kochmann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 2002. 564 S.
6. **Haffner S.** Der Verrat: Deutschland 1918/1919. München: C. H. Beck, 1995. 287 S.
7. **Haffner S., Venohr W.** Preußische Profile. Königsten/Ts.: Athenäum, 1980. 268 S.
8. **Krockow Chr. Graf von.** Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890-1990. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1992. 579 S.
9. **Lesebuch Weimarer Republik: Deutsche Schriftsteller und ihr Staat von 1918 bis 1933** / hrsg. von S. Reinhardt. Berlin: Poylen, 1982. 345 S.

10. Lutz R. H. The German Revolution (1918-1919). Stanford: Stanford University Press, 1922. 186 p.
11. Maser W. Deutschland: Traum oder Trauma. München: Droemer Knauer, 1984. 672 S.
12. Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Action française – Italienischer Faschismus – Nationalsozialismus. München: Piper, 1963. 795 S.
13. Rosenberg A. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt/M.: Europäische Verlag, 1955. 502 S.
14. Schulze H. Weimar. Deutschland, 1917-1933. Berlin: Siedler, 2004. 462 S.
15. Seeckt H. von. Deutschland zwischen Ost und West. Heidelberg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1933. 87 S.

Political Paradoxes of November Revolution and Counter-Revolution in Germany

Plenkov Oleg Yur'evich, Doctor in History, Professor
Saint Petersburg University
oleg.plenkoff@yandex.ru

Samylov Oleg Valer'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University
sam_ol@mail.ru

The article identifies distorted and politicized interpretations of November Revolution in Germany, from recognition of full dependence of the new authorities on the armed forces and monopoly capital to interpreting the revolution as a chain of mistakes and betrayals of democracy on the part of left-wing parties. The authors consider development of the revolutionary movement of 1918 in Bavaria against the background of the First World War. The paper emphasizes that the described events were spontaneous mobilization of right-wing forces rather than a social revolution.

Key words and phrases: Germany; November Revolution; The First World War; communists; social democrats; anarchists; right-wing forces.

УДК 9; 94

Дата поступления рукописи: 12.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.12>

В статье рассматривается динамика отношений России и НАТО в постбиполярный период, выявляются качественные изменения двустороннего взаимодействия накануне и после воссоединения России с Крымом и Севастополем. Анализируются шаги, направленные на возобновление диалога, а также формулируются области обоюдных интересов, потенциально формирующих переговорное поле, в частности проблема терроризма, контроля наркотрафика, сокращения наступательных вооружений и противостояния ревизии системы международных договоров между Россией и государствами – членами НАТО.

Ключевые слова и фразы: Россия; НАТО; диалог; сотрудничество; взаимодействие; партнерство; конфронтация; сдерживание; перспективы.

Смагло Павел Николаевич

Небасуй Максим Сергеевич

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
psmaglo@mail.ru; maxnebasuy@mail.ru

Политический реализм в отношениях России и НАТО: баланс прагматических и декларативных интересов

Взаимодействие России и НАТО всегда было краеугольным камнем в формировании системы коллективной безопасности в Европе. После окончания Холодной войны проблема войны и мира стала рассматриваться под другим углом. Период установления и развития российско-натовских отношений проходил на фоне расширения Североатлантического альянса на Восток, переориентации внешнеполитических векторов государств, ранее входивших в Организацию Варшавского договора, переосмысления необходимости существования НАТО после прекращения существования декларируемой ранее «коммунистической угрозы», а также адаптации внешнеполитического курса РФ к новым условиям.

Исследование отношений между Россией и НАТО в контексте зависимости декларативных интересов от прагматических **актуально** на современном этапе, поскольку открывает возможности к наиболее точному анализу текущих политических событий, затрагивающих вопросы европейской безопасности.

Цель данной работы состоит в исследовании сотрудничества России и НАТО в период с 1991 по 2017 гг. и определении точек взаимодействия, которые имеют потенциал к улучшению диалога. **Научная новизна** исследования заключается в проведении комплексного анализа как попыток установления отношений, так и возможностей реализации проектов, предложенных сторонами в рамках сотрудничества.